

В. П. РУДНЕВ

О недостоверности (против Витгенштейна)

Что бы значило в данный момент
сомневаться, что у меня две руки?
Почему я не могу этого даже вообразить?
Во что бы я тогда вообще верил,
если бы не верил в это?
У меня ведь даже нет еще системы,
в которой могло возникнуть подобное сомнение¹.

1. Предположим, что когда-то я настолько сильно повредил руку, что мне ампутировали ее, сделали протез, но такой искусный, что его не отличить от настоящей руки. Во время операции я был без сознания, и, положим, чтобы меня не травмировать, мне решили не говорить, что у меня искусственный протез вместо руки.

2. Но вот в какой-то момент, когда я своему старому знакомому, знавшему в отличие от меня самого историю с моей рукой, говорю, защищая, скажем, взгляды позднего Витгенштейна: «Я знаю это, как я знаю, что у меня две руки и две ноги», он отвечает мне: «Нет, к сожалению, ты ошибаешься. Строго говоря, у тебя не две руки, твоя левая рука — это протез».

3. Является ли маргинальность этого примера основанием для заключения о его неосновательности? Я ведь не начну сомневаться, даже если откроется эта история с рукой, что я весь состою из протезов, как Железный Дровосек? Или что я вообще робот? Или что я сам себе снюсь?

4. Почему Витгенштейн убежден, что опыт обычного речевого поведения — это всегда *неизменный* опыт? Хорошо, допустим, что человек, который заявляет, что у него три руки, — скорее всего, сумасшедший. Но логически нет ничего невозможного, чтобы иметь три руки.

5. Возможно, вопрос следовало бы поставить так: почему в опыте аналитической философии не учитывается художественный опыт?

6. Человеку оторвало одну руку на войне. Он держит оторванную руку в другой руке и говорит: «Я знаю, что это моя рука».

---

¹ Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. § 247.

Почему знание об отчлененной руке выглядит абсурдным, в то время как заявление о знании о том, что у меня две руки, кажется приторным до фальшивости?

7. Если я левша, то я часто могу путать правую и левую руки. Неужели правое и левое не являются столь универсальными понятиями, что путать их не кажется вопиющим?

8. Вопрос состоит в том, какого рода продуктивность у сомнения в том, что у меня две руки, что я знаю, что это моя рука и т. д.?

9. Я бы хотел понять, действительно ли сознание человека, который сомневается, что «это его рука», изменяется до неузнаваемости.

10. Продуктивность ошибки в том, что она является двигателем любого сюжета. Но имеет ли понятие сюжета отношение к философии?

11. Видеть и ведать, возможно, связаны так же, как *wissen* (знать) и *videre*².

12. Обман зрения это обман знания.

13. Мне кажется, Витгенштейн сам сомневался по поводу наличия у него двух рук и тому подобного.

14. Но защищая достоверность, Витгенштейн защищал позитивное знание XIX в., в котором он был твердо укоренен.

15. Защищая недостоверность, я отстаиваю фундаментальность эпистемологии XX в. Для Кафки, Борхеса и Павича вопрос о наличии рук был бы вполне актуален.

16. Трудно или даже почти невозможно представить себе Витгенштейна читающим Фолкнера.

Витгенштейн: «Помню, когда я впервые отправился с визитом к Фреге, у меня в голове было очень ясное представление о том, как он выглядит. Я позвонил в дверь, и мне открыл какой-то человек; я сказал ему, что приехал повидать профессора Фреге. «Я профессор Фреге», — сказал человек. На что я мог лишь воскликнуть: «Невозможно!»³.

17. «Я знаю, что это моя рука» в аналитическом контексте подразумевает, что за этим знанием ничего не стоит, поэтому оно ценно само по себе. Но представим себе, как бы посмеялся психоаналитик над пациентом, который сообщил бы ему, что он знает, что это его рука — и больше ничего.

² См. Там же. § 89.

³ Друри М. Разговоры с Витгенштейном // Логос. 1999. № 1. С. 126.

Аналитик: Какие это вызывает у вас ассоциации?

Пациент: Никаких.

Аналитик: Так не бывает; что вам приходит в голову при произнесении фразы о том, что вы знаете, что это ваша рука?

Пациент (смущенно): Ну...

Аналитик: Ну-ну.

Пациент: Ну, мне приходит в голову...мысль... о пощечине.

Аналитик: Так-так!

Пациент: Уверяю вас, что это не имеет никакого отношения к делу.

Аналитик: Случайных ассоциаций не бывает. Вы вспомнили, как вас в детстве отец ударил по щеке?

Пациент (мужественно): Нет, я вспомнил, как я дал пощечину одной женщине. *Аналитик:* (не скрывая своего триумфа): Она ждет от вас ребенка?

Пациент (потрясенный): Как вы догадались?

18. В своих рассуждениях о достоверности Мур и Витгенштейн незаметно для себя покидают свою излюбленную лингвистическую почву. Как будто слово «рука» одинаково произносится в любых речевых практиках. В то время как англичанин в сущности не говорит: «Я знаю, что это моя рука», скорее: «Я знаю, что это моя кисть».

19. Представим себе разговор антрополога-уорфианца с неким дремучим представителем традиционного общества, в языке которого вообще нет абстрактного понятия руки. *Антрополог* (показывая туземцу на его руку): Что это? Как это называется?

Туземец: Большой вождь собрал у белой реки много белой рыбешки.

Антрополог (слегка удивленный длиной слова) записывает: Рука.

Туземец: (поднимая левую руку): Малый вождь в час заката воздаст хвалу великому чуду.

Антрополог (понятливо) записывает: Названия для правой и левой руки имеют разные лексические формы. Поднимает свою руку и повторяет за туземцем, коверкая слова: Малый вождь в час заката воздаст хвалу великому чуду?

Туземец: (снисходительно смеется). Указывая на левую руку антрополога (по-английски): Это рука белого человека, которой он гладит женщину.

Антрополог (сбитый с толку) показывает на свою правую руку: А это?

Туземец (по-английски): Это рука.

Антрополог (раздраженно): Я-то знаю, что это моя рука, а вот ты-то что себе думаешь!?

«Ну, а допустим, я говорю, указывая на определенный объект: “Моя ошибка тут исключена — это книга”. Что представляла бы собой эта ошибка на деле? И есть ли у меня ясное представление об этом?»⁴.

20. Интересно не то, что мне такого рода ошибка представляется очевидной, а то, что Витгенштейн не видит этого. Допустим, на столе у меня лежит коробка для сигар, сделанная как книга. Входит Витгенштейн и говорит: «Моя ошибка исключена — это книга». Или: кадр из немого фильма; герой на глазах у обезумевшей героини приставляет к своему виску пистолет. Он нажимает курок — зажигается огонек — это не пистолет, а зажигалка в виде пистолета.

21. Еще пример симуляции книгой: новелла Честертона «Проклятая книга», где говорится о том, что якобы существует такая таинственная книга, раскрыв которую люди исчезают. С такой книгой приходит к профессору некий шарлатан. Он говорит, что оставил книгу в приемной у секретаря. Вбегают в приемную — секретарь исчез вместе с книгой. Разгадка проста — никакой книги вообще не было: шарлатан и был секретарем, которого рассеянный профессор до этого не замечал вовсе.

22. «Я знаю, что передо мной чистый лист бумаги». А если подержать над огнем? («Но наверное, я применила / Симпатические чернила».) Видимость достоверности — основа поэтики интертекста.

23. «Эта женщина прекрасна». Но это не женщина, это кастрат. («S/Z» Ролана Барта).

«Попытавшийся усомниться во всем, не дошел бы до сомнения в чем-либо. Игра в сомнение уже предполагает Уверенность»⁵.

24. Допустим, я сомневаюсь во всем: что меня зовут В. Р., что я живу в Москве, что сейчас XX в., что я пишу эти строки по-русски.

25. Но я действительно могу сомневаться в этом?

---

⁴ Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. § 18.

⁵ Там же. § 115.

26. В отличие от Витгенштейна, мне знакомы механизмы такого рода сомнений.

27. Допустим, я хочу бросить камень со второго этажа. Сомневаюсь ли я, что камень полетит вниз? Не обязательно. Но я понимаю, что это значит: думать, что камень может и не упасть вниз.

28. Может, это не настоящий камень. Может, в момент, когда я его бросаю, каким-то образом создается невесомость — камень начинает парить.

29. Я приучен верить, что любая физическая закономерность, пусть даже такая фундаментальная, как закон гравитации, принципиально фальсифицируема.

30. Можно возразить, что я говорю все время о каких-то маргинальных феноменах. В таком случае можно сказать, что вся культура XX в. есть маргинальный феномен.

Надувать, моделировать (симулировать) действительность начали в 1920-е гг. Любопытно, что Витгенштейн своим неудавшимся, к счастью, броском на Восток, показал, что отчасти попался на удочку этой симуляции. В разговорах с Друри он заявляет, например, так: «Сталин дал людям работу, а тирания меня не страшит»⁶. Характерна позитивистская (нетоталитарная) терминология XIX в. — «дал работу», «тирания».

31. Интересно, мог ли бы Витгенштейн написать свой трактат «О достоверности», когда бы любой следователь НКВД за полчаса доказал бы ему, что он — японский шпион?

32. Интересно, что когда говорят об абсурдности сталинских обвинений в шпионаже, то как будто забывают, что десятки англичан действительно шпионили для него. Ким Филби, например, учившийся в Кембридже и подобно Расселу и Витгенштейну состоявший членом отчасти просоциалистического и отчасти тайного студенческого общества «Апостолы».

33. Я не могу считать, что это логически невозможно, чтобы Витгенштейн был японским шпионом.

34. Я могу себе представить и такое положение вещей, при котором выяснится, что философ Людвиг Витгенштейн вообще никогда не существовал на свете.

35. Но если так, то во что же тогда остается верить?

36. Да как во что? В Бога, разумеется.

«Я верю в то, что люди определенным образом мне передают. Так, я верю в географические, химические, исторические факты и т. д. Таким

⁶ Друри М. Разговоры с Витгенштейном // Логос. 1999. № 1. С. 226.

образом я изучаю науки. Ведь изучать в основе своей означает верить»⁷.

37. Да, конечно. Но разве невозможно было бы изучать историю каким-нибудь альтернативным способом? Например: что было бы, если бы в политической борьбе между Москвой и Новгородом победил бы Новгород? Историк языка (А. В. Исаченко) ответил на этот вопрос так: русский язык в этом случае был бы совсем другим по ряду параметров.

38. А что было бы, если бы русские победили битву на Калке? («Пусть победят сегодня русские»).

39. История как перечисление фактов, в лучшем случае, подкрепленное «источниками», которые почти всегда ненадежны и/или лживы, все же в определенном смысле эффективна. Человек, скажем, может гордиться знанием дат правлений всех русских царей. При изучении истории литературы знание фактов гораздо менее эффективно.

40. Говорили, что историк русской литературы В. Е. Евгеньев-Максимов знал, что делал Некрасов почти каждый день его жизни. Но помогает ли знание ежедневных занятий Некрасова пониманию смысла его произведений? Например: «Некрасов ехал по железной дороге и слышал разговор генерала с ребенком. Так родилась знаменитая поэма “Железная дорога”». Но не гораздо ли важнее, что в основе этого произведения лежит архаическое представление о строительной жертве? (Гипотеза В. А. Сапогова)

41. Имеет ли смысл вопрос: «Как изменился бы смысл стихотворения “Белеет парус одинокий”, если бы его написал не Лермонтов, а Хармс»?

42. Мне кажется, что только такие вопросы и имеют смысл. А вопросы типа: «В каком году Пушкин закончил “Капитанскую дочку?”» не только в философском смысле, но и в историко-литературном совершенно бессмысленны.

43. В то же время, вопрос, «Существовала ли древнерусская литература?», конечно, гораздо более осмыслен, чем вопрос: «Существовала ли русская литература XIX в.?».

44. Но если вопрос о существовании русской литературы XIX в. переформулировать так: «Действительно ли русская литература существовала в том виде, как это представляют себе историки литературы?», то он станет одним из самых актуальных вопросов при осмыслении того, что такое вообще история литературы.

---

⁷ Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. § 170.

45. Но если я, например, осуждаю декабристов, то это ведь не значит, что восстания декабристов вообще не было?

46. А если я верю в достоверность истории перевоплощения Александра I в старца Федора Кузьмича, то разве эта вера не сможет поколебать саму идею существенности и существования восстания декабристов?

47. Или если я подобно Даниилу Андрееву верю, что историей управляют высшие демоны «уицраоры», то не станет ли факт восстания декабристов настолько поверхностным и маловажным, что им вообще можно будет пренебречь?

48. И почему я должен считать, что только Витгенштейн и Мур правы, а Блаватская и Даниил Андреев просто сумасшедшие? Но тогда сумасшедшими надо считать и Сведенборга, и Экхарта, и Святого Августина.

49. Разве не нелепо звучала бы фраза: «В своем трактате “О Граде Божием” Августин не разделяет мнения, что Земля вращается вокруг своей оси»? Разве Августин фактом открытий Коперника и Галилея вычеркнут из истории культуры?

50. И глупо было бы ответить на это: «Да, но Августин *ошибался*, разделяя точку зрения Птолемея».

51. А относительно борьбы между градом земным и Градом Божьим он тоже *ошибался*?

52. И разве нельзя себе представить, что Плотин или Тертуллиан со своими философскими системами, которые кому-то кажутся странными и абсурдными, заявили бы, что они убеждены, что у них нет рук и ног?

53. И разве не был бы возможен диалог между буддистом, считающим, что весь мир — это иллюзия, и Витгенштейном, который полагает, скорее, что разумнее исходить из того, что мир реален?

54. Так ли уж фундаментально было отстаивать тезис, в соответствии с которым органы чувств не обманывают нас, в эпоху, когда жили и работали Гурджиев и Юнг, а не только Эйнштейн и Гейзенберг?

55. И не ясно ли, что тот же Юнг просто отмахнулся бы от вопроса, знает ли он, что это его рука, и не потому, что этот вопрос для него очевиден, но потому, что он для него совершенно незначим. Для Юнга, верившего в алхимию и пропагандировавшего «Книгу перемен», вопрос о существовании мира, показался бы, так сказать, глубоко поверхностным.

56. Не смотря на то, что Витгенштейн во многих отношениях гораздо ближе мне духовно, чем Даниил Андреев, я ни за что не соглашусь, что Даниил Андреев был сумасшедшим и все его учение — бессмыслица и бред.

57. Если актуальны только те вопросы, которые ставят Мур и Витгенштейн, то как тогда объяснить значимость для культуры, например, поэзии обериутов, а в каком-то смысле поэзии вообще?

58. «Мандельштам ехал в поезде и думал о первой мировой войне. Так родились стихи о неизвестном солдате». Очевидная абсурдность этой фразы и неочевидная абсурдность аналогичной фразы о Некрасове говорит только о том, что Некрасова и Мандельштама изучали люди с принципиально различными ментальными установками.

59. Так ты что же, полагаешь, что Тарановский или Деррида фундаментально отличаются от Благого и Оксмана — как бабочка от крокодила?

60. Ну, предположим, что я не могу себе представить, что Тарановский стал бы сомневаться в наличии у него рук. А Даниил Андреев?

61. Является ли для литературоведа бессмысленным вопрос: «Как изменилась бы структура поэмы Блока «Двенадцать», будь она написана не сложной полиметрией, а 4-стопным ямбом, как его же «Возмездие»?

62. Подобный вопрос не только не является бессмысленным, но имеет вполне определенный ответ: «Если бы поэма “Двенадцать” была написана 4-стопным ямбом, она бы изменилась до неузнаваемости». (Как показал когда-то мой отец, чуждый какому бы то ни было философствованию, для Блока эксперименты со сменой размеров в разных редакциях одного стихотворения были реальностью.)

63. И далеко не бессмысленно было бы, поставить вопрос, например, так: «А что если предположить, что нам неизвестно, кто написал поэму «Двенадцать» (как неизвестно, кто и когда написал «Слово о полку Игореве»)»? Кажется, это было бы вполне нетривиальной задачей: доказать, что «Двенадцать» написал поэт, являвшийся автором «Стихов о Прекрасной Даме» или даже «Возмездия».

64. И разве редкие реалии в «Двенадцати» — «На канате плакат — “Вся власть учредительному собранию”» — могут быть основанием для датировки этого произведения? Это могли быть, например, «поздние вставки».

65. Что не может быть подделкой, так это структура произведения. Мы в состоянии вполне достоверно заявить: «Так можно было написать только не ранее 1910-х гг.» Но является ли эта достоверность той, которую хотел защищать Витгенштейн?

66. То есть следует ли из того, что мы говорим: «Структура поэмы “Двенадцать” такова, что ее можно было бы написать только в XX в.», то, что Земля существовала задолго до нашего рождения?

67. Мне кажется, что я могу одновременно разделять истинность утверждения о том, что поэма «Двенадцать» могла бы быть написана не ранее начала XX в., и думать при этом, что вполне возможно, что история вообще — сплошной вымысел и фальсификация.

68. Атрибуция поэмы «Двенадцать» и сомнение относительно существования внешнего мира и истории — совершенно разные языковые игры. Почему Витгенштейн думает, что у всех игр должны быть одинаковые правила? Ведь это в корне противоречит тому, о чем он сам писал в «Философских исследованиях». У каждой игры свои автономные правила, и играющий в шахматы может вообще не подозревать о футболе. Вполне допустима мысль, что некий американец, никогда не видевший европейского футбола, убежден, что мяч может быть только яйцевидной формы (идея в духе «Загадки контекстов мнения» Крипке).

69. Мне кажется, что Витгенштейн в каком-то важном смысле ошибался, что сомнение и знание образуют жесткую систему, что нельзя одновременно сомневаться в том, что Земля существует и быть уверенным в том, что Колумб открыл Америку. Это разные языковые игры.

70. Можно представить, что на уроке истории или географии в некоем утонченном колледже ученикам говорят, что Колумб открыл Америку, а на уроке философии преподаватель-буддист говорит им, что существование внешнего мира — это иллюзия.

71. Разве буддист обязательно должен не верить, что Колумб открыл Америку?

72. Можно сказать так: «О достоверности» по сравнению с «Философскими исследованиями» — попытка поворота к более жесткой философии типа «Логико-философского трактата».

73. В «О достоверности» Витгенштейн как будто успокаивает себя перед смертью, что какая-то стабильность все-таки существует.

74. Осмысленность этот последний трактат Витгенштейна приобретает, если и его рассматривать как самостоятельную языковую игру. Игру в «я-знаю-что-это-моя-рука».

75. В духе «Философских исследований» можно было бы сказать, что хотя эта последняя игра заслуживает внимания, но есть много других игр со своими правилами.

«Возникает такое чувство, что отрицательное предложение для того, чтобы отрицать некоторое предложение, должно сначала сделать его в определенном смысле истинным»⁸.

⁸ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. § 447.

76. Насколько эта мысль, например, глубже следующей:

«Укрепляет ли телефонный разговор с Нью-Йорком мое убеждение в том, что Земля существует?»⁹.

77. Космонавт звонит в Нью-Йорк с космической станцией, чтобы поболтать с женой, но не может дозвониться, все-таки это довольно далеко. Он не сомневается в том, что Земля существует. Но что если она в этот момент взорвалась в результате астрономической катастрофы?

78. Наивно было бы рассуждать следующим образом: «То, что художественная практика XX в. обнаруживает чрезвычайно сложную и утонченную антологию и эпистемологию, понятие достоверности к которой в общем-то неприменимо, не означает, что в обыденной жизни есть место превращениям, двойничеству, обратному течению времени и т. п. Это все особая художественная языковая игра». Все же «Превращение» Кафки — в такой же мере неслучайное явление в культуре XX в., как и «Записки охотника» — в культуре XIX в.

79. Не кажется ли все-таки, что Витгенштейн навязывает нам онтологию «Записок охотника»?

«Допустим, некто ищет что-то и, раскапывая землю в определенном месте, тем самым показывает, что искомое, по его мнению, находится там»¹⁰.

80. Если бы ошибки и ложные мнения людей ограничивались бы только подобными той, о которой рассказывает Фолкнер в романе деревушка (как Флем Сноупс подбросил на своей земле несколько старинных золотых монет и тем самым заставил поверить Генри Армстида и В. К. Рэтлифа в то, что там находится клад, после чего они купили эту землю и долго «раскапывали ее в определенном месте»), то, пожалуй, не стоило бы об этом говорить.

81. Но если рассматривать ошибку и обман как нечто чисто техническое, то надо забыть и сотни преступлений и политических фальсификаций XX в., относительно которых люди «ошибались» на самом деле и платили за свои ошибки своей жизнью и жизнью своих близких.

---

⁹ Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. § 210.

¹⁰ Там же. § 285.

82. В 1923 г. Сабина Николаевна Шпильрейн, ученица Юнга, за пятнадцать лет до Фрейда сформулировавшая фундаментальности принципа разрушения в душевной жизни, приехала из Австрии в Россию. А в 1943 г. она осталась в Харькове ждать прихода немцев, будучи еврейкой и имея двоих детей. Но она так мало верила советской пропаганде, что не могла подумать, что люди одной крови с ее бывшим возлюбленным, Карлом Густавом Юнгом, способны на массовые преступления. Всех троих поставили к стенке в первые же часы оккупации (пример из книги А. Эткинда «Эрос невозможного: История психоанализа в России»).

83. В противоположность Витгенштейну Сабина Шпильрейн была настолько вовлечена в «поэтику» XX в., что не верила ни в какую достоверность. Она совершила ошибку второго порядка, ошибку гиперкоррекции. Характерно, что хранитель позитивных эпистемических ценностей, Витгенштейн, в Россию все-таки не переехал.

84. Ошибка — такая же обратная сторона достоверности, как отрицание — обратная сторона утверждения.

86. Но для того, чтобы утверждение изменилось на противоположное, совсем не обязательно менять его истинностное значение, как думали Фреге и Витгенштейн в «Трактате». В последнем случае считалось, что смысл пропозиции вообще безразличен по отношению к ее истинности и ложности.

87. Представим себе, что один и тот же эпизод из чеченской войны 1995 г. передают пророссийский и прочеченский журналисты. Пророссийский: «На этом месте чеченские бандиты убили бойцов российской армии». Прочеченский: «На этом месте чеченские бойцы убили русских оккупантов». Возможен и более усиленный вариант расхождения. Пророссийский: «На этом месте оголтелые чеченские террористы зверски замучили группу отважных бойцов, защищавшихся до последней капли крови». Прочеченский: «На этом месте горстка отважных чеченских патриотов почти голыми руками уничтожила вооруженный до зубов отряд российских головорезов, напавших на них из-за угла» (пример подсказан мне В. Цымбурским).

88. И хотя оба репортажа выражают пропозицию с одним и тем же истинностным значением («На этом месте группа X уничтожила группу Y»), послушав такое, убеждаешься в том, что этого эпизода, возможно, вообще не было.

89. Именно этот шаг сделал Бодрийяр в статье «Войны в заливе не было», посвященной событиям конфликта в Персидском заливе зимой 1991 г.

90. Когда я принимаю одно за другое, то происходит, по моему мнению, нечто, гораздо более фундаментальное, чем то, когда, например, я говорю: «Это кошка» или «Я знаю, что это кошка». Если мне на это ответят: «Нет, ты ошибаешься, это такая маленькая странного вида собачка», то с философской точки зрения это гораздо интереснее.

«Заявляя: “Конечно, я знаю, что это Полотенце” — я произношу фразу. Я не забочусь о верификации»¹¹.

91. Н. Г. Чернышевский был настолько рассеян и близорук, что, по воспоминаниям А. Я. Панаевой, он мог принять лежащую на диване муфту за кошку и начать ее гладить.

«“Ты знаешь или только веришь, что тебя зовут Л. В.”? Разве это осмысленный вопрос?»¹²

92. Но разве бессмысленной является фраза: «Я — не тот, за кого себя выдаю».

93. Допустим, что Александр I не умер в 1825 г., а действительно стал старцем Федором Кузьмичом. Разве бессмысленно было бы заинтересоваться, как он называл себя про себя? Ведь вместе с прежним именем он в какой-то момент отказался отчасти и от своей прежней личности.

94. И разве когда сумасшедший говорит: «Я Наполеон», он не играет во вполне определенную языковую игру? «Да, но этот человек — сумасшедший». Да, но разговаривать с ним приходится на обыденном языке нормальных людей.

95. И нельзя сказать, что сумасшедший говорит бессмыслицу, утверждая, что он Наполеон. Скорее, можно сказать, что он просто ошибается.

96. При этом контакт между больным и врачом может проходить только через границу осмысленности и даже истинности того, что тот, кого считают сумасшедшим, — Наполеон.

97. Существует метод психотерапии, когда врач принимает игру параноика, не только внешне соглашаясь со всеми его фантастическими утверждениями, но и стараясь внутренне принять их. Постепенно уже изнутри врач пытается вселить в душу параноика сомнение в том, что он Наполеон.

¹¹ Там же. § 510.

¹² Там же. § 486.

«Аргумент “может быть, мне это снится” является бессмысленным, потому что в таком случае мне снилось бы и это высказывание да и то, что эти слова имеют какое-то значение»¹³.

98. В этом тезисе видится какое-то философское ханжество. Разве не может быть, что человек в определенный момент, находясь в состоянии «тонкого сна», не твердо знает, спит он или бодрствует. Он может слышать, что говорят вокруг, но, проснувшись утром, не может толком понять, приснились ли ему эти слова, или их действительно произносили рядом с ним. А ведь от иных слов в жизни человека многое может перемениться. Например, в момент тонкого сна он услышал о себе: «N. N. — гениальный математик, но не подозревает об этом» или «Только N. N. не подозревает о систематических изменах своей жены».

99. Не обстоит ли дело так, что каждый человек не знает гораздо больше, чем знает? Иностранных языков, названий птиц и растений, абстрактных понятий, жизни других людей, самого себя.

100. Незнание гораздо более фундаментально, чем знание.

101. Незнание, так сказать, более безошибочно. Знание всегда предполагает возможность заблуждения. Но можно ли заблуждаться, не зная?

102. В каком-то смысле незнание — более радикальная и честная разновидность знания. Незнание — это тот предел, к которому стремится знание. Отсюда афоризм Сократа.

«Можно ли <...> вместо “Я знаю, что...”
и т. д. поставить: “В...языке это
называется...”?»¹⁴

103. Мне кажется, что только так и можно.

104. А можно ли мистический или художественный опыт включать в повседневный опыт? Я не знаю.

«Недавно я сказал Арвиду, с которым мы вместе смотрели в кино очень старый фильм, что современный фильм относится к старому, как современный автомобиль к модели двадцатипятилетней давности. Он выглядит таким же смешным и неуклюжим,

¹³ Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. § 383.

¹⁴ Там же. § 622.

и улучшение качества фильмов, как и автомобилей, достигается совершенствованием техники. Оно не совпадает с совершенствованием, — если так можно сказать, — художественного стиля»¹⁵.

105. Так что же, Витгенштейн — устаревший философ? В определенном, техническом смысле, да.

106. Так же технически устарел, например, «Золотой век» Бунюэля, что не мешает считать его лучшим фильмом XX в.

---

¹⁵ *Витгенштейн Л.* Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I. М., 1994. С. 115.